

Николай Розов

МОЖЕТ ЛИ ЦИНИЧНОЕ ПОЛИТИКАНСТВО ПРИВЕСТИ К НОВОЙ

ВОЗМОЖНОСТИ ДЕМОКРАТИЗАЦИИ?

(РАЗБОР ОШИБОК ПОЛИТИЧЕСКОГО
ПРОГНОЗА МАЙ 2007 — МАЙ 2008
И ПРЕДСКАЗАНИЕ ПОСЛЕДСТВИЙ ДВОЕВЛАСТИЯ)

**Почему, несмотря на большой спрос,
предложения реальных политических прогнозов практически нет**

В политической науке и политической публицистике давно стало общим местом заклинание о невозможности прогнозов. Самые осторожные авторы ограничиваются сакраментальным «будем посмотреть». Теоретически подкованные используют условные конструкции «если будет А, то надо ожидать и Б». Самые хитрые дают полный спектр вероятных альтернатив, а поскольку реальность к какой-то альтернативе всегда ближе, такие умники потом даже могут хвастать талантами провидцев.

Несмотря на востребованность прогнозов со стороны читателей, почти полный отказ от попыток внятного прогнозирования со стороны авторов имеет как глубокие научные, так и социально-психологические причины.

Для полноценного социального прогнозирования (в том числе политического) требуются два главных компонента: набор сильных проверенных теорий и эмпирические данные о начальных условиях текущих и продолжающихся в будущем процессов, причем именно те данные, которые могут быть поставлены в соответствующие ячейки условных теоретических конструкций «если... то...».

Несмотря на обилие и разнообразие политических моделей и схем в современной политической науке (прежде всего, западной) наблюдается явный

дефицит конструктивных объяснительных, надежно проверенных теорий, которые можно было бы использовать для прогнозирования.

С эмпирическими данными дело обстоит, пожалуй, еще хуже. Сфера реальной политики обычно закрыта от публики, в том числе и исследователей; тем более, это касается авторитарных режимов с «подковерной дракой бульдогов». Методология интерпретации внешних признаков скрытой реальной политики не разработана; по этим признакам могут быть сделаны и постоянно делаются общие реконструкции *ad hoc*, но пока не получается делать надежные теоретически значимые суждения, необходимые для прогнозирования.

Социально-психологические причины очевидны и по-человечески понятны. Крайне неприятно обнаружить, что твой прогноз провалился, особенно когда коллеги по цеху с неизменным удовольствием используют этот подарочный повод для насмешек и издевательств. Тут уже наука и методология отступают на задний план. Страх удара по личному престижу — вот главный барьер для всех попыток политического прогнозирования.

Краткая история прогноза выборов-2008 и основные ошибки

Так получилось, что, не будучи профессиональным политологом, я таких насмешек совсем не боюсь. Опасение провала перекрывается моим давнишним интересом к развитию логики и методологии теоретического мышления и прогнозирования, к обнаружению собственных ложных предпосылок и гипотез. Поэтому в мае 2007 г. я в публичных выступлениях, а затем в статье «План спецоперации „Преемник-2008“ — секрет полишинеля»¹ попробовал предсказать, как власть имущие (группировка В. В. Путина) будут решать «проблему 2008».

Суть основной идеи сводилась к следующему. Главная цель правящей группы², символом (а также, вероятно, реальным лидером) которой выступает В. В. Путин, — обеспечить сохранение полноты своей власти, в том числе как единственной гарантии захваченной собственности. Для этого через «выборы» нужно провести кого-то из «своих», причем так и такого, чтобы он не вздумал потом играть собственную игру, вытесняя правящую группу своими приспешниками (по примеру того же Путина — ставленника «Семьи», Волошина и Березовского в острой борьбе лета-осени 1999 г. против уже могучего и набиравшего силу союза Примакова — Лужкова).

По назначениям С. Иванова и Д. Медведева вице-премьерами и по довольно прозрачным намекам можно было судить о принятом правящей группой примерно в марте-апреле 2007 г. плане:

1 <http://www.nsu.ru/filf/rozov/publ/secret.htm>

2 Здесь я поддерживаю политико-социологическую трактовку: «Современной Россией правит не лидер, а сплоченная номенклатурная группа» [Иноземцев 2007. С. 42].

- «раскрутить» в СМИ обоих «своих» кандидатов,
- использовать для этого думскую кампанию в декабре 2007 г., распределив их по обеим лояльным партиям («Единая Россия» и «Справедливая Россия»);
- благодаря «интриге» привлечь народ на выборы и обеспечить их легитимность перед мировым (точнее, западным) сообществом;
- провести президентские выборы в два тура с надежным преимуществом «своих» кандидатов, чтобы не давать победителю излишне большой легитимности.

Судя по менявшейся динамике телевизионного внимания к обоим предполагаемым «кандидатам в преемники» и вполне податливой динамике рейтингов популярности, что систематически замерялось Левада-центром, претендентом №1 на весну-лето 2007 г. был Сергей Иванов.

В первоначальной статье рассуждение представлено весьма развернуто с помощью 21 пары вопросов и ответов — специально для фиксации предположений, которые нужно будет пересмотреть, если прогноз не сбудется. Вот как выглядел итог рассуждения:

«ВОПРОС 21. Если все так и будет, то кто же именно победит: Иванов или Медведев? Корректный ответ двойствен: судя по трендам популярности и нынешним массовым предпочтениям — больше шансов у Иванова. А на самом же деле, при обеспеченной лояльности обоих кандидатов и вероятном сохранении главных властных козырей в руках Путина и его «команды» — это совершенно *неважно*³. Настоящей интриги НЕТ».

Как известно, назначение В. Зубкова в октябре 2007 г. многим спутало карты. К той же статье добавлен в конце разбор ошибок, в том числе следующий заключительный комментарий.

«Разница только в том, что теперь соревноваться в популярности будут не Иванов и Медведев, а Зубков (мистер X) и Иванов. Новая интрига с назначением премьером ранее никому не известного Зубкова, взбудоражившая политологов, — это не что иное, как часть дымовой завесы, того же прикрытия спецоперации, суть которой „поставить надежно и зависимого своего“. [...] Пожалуй, теперь, по состоянию на осень 2007 г., при общем сохранении рычагов власти и влияния, В. В. Путин создал условия для того, чтобы следующий президент был менее самостоятельным, соответственно, менее опасным с точки зрения угрозы отъема захваченных путинской группировкой высот в контроле за административными, силовыми и экономическими ресурсами страны».

3 Еще одно подтверждение тезиса — характер последнего президентского послания. «В итоге получается, что никакой „программы Иванова“ или «программы Медведева» не будет: послание дает понять, что в стране возможна только одна программа — единая и неделимая программа Путина...» (Коммерсантъ-Власть. 317, 7 мая 2007. С. 31).

В этих прогнозах базовые предпосылки остаются неколебимы, но конкретное выполнение плана, как известно, стало иным:

- произошел фактический отказ от двух относительно паритетных «партий власти» в пользу только одной — «Единой России» («справедливая Россия» оставлена на роль спойлера для КПРФ);
- было объявлено не двое, а один преемник, соответственно, ставка сделана на один тур, правящая группа не боялась большого числа отданных ему голосов, а напротив, стремилась к этому;
- предпочтение отдано Д. Медведеву, а не прежнему фавориту С. Иванову и не В. Зубкову.

Еще до объявления В. В. Путиным своего лидерства в «Единой России» на думских выборах я написал еще одну статью Все у них получится, кроме главного (Страхи перед грядущим двоевластием напрасны, впереди — «стабильность», новые попытки реформ и вызовы системной деградации)⁴, в которой так говорилось о продолжении «эпохи Путина»:

«Если уж так все удачно сложилось: нефть дорожает, долги выплатили, Россия „поднялась с колен“, политические противники подавлены, везде расставлены свои люди, популярность в народе зашкаливает — просто грех не воспользоваться шансом, чтобы «эпоху Путина» 1) продлить, причем даже при последующих сменяющихся президентах, 2) улучшить, чтобы войти в историю не как душитель свобод и демократии, а как мудрый и деятельный «отец нации», которому страна в первую очередь обязана величием и процветанием».

Там же было приведено следующее объяснение отказа от столько упорно пестуемой «двухпартийности»:

«Путин, обеспечив своей партии-фавориту полное доминирование в Думе, сам начнет в Думе хозяйничать, подстроит ее под себя, под свои интересы и под выполнение „Плана Путина“».

То, что, согласно поправкам в устав «Единой России», беспартийный Председатель (читай: его внепартийный аппарат) полномочен принимать ключевые кадровые решения в партии, полностью соответствует сделанному прогнозу.

Однако другая его часть провалилась (по крайней мере, пока не подтвердилась): я предполагал, что Путин создаст в Думе некий «Стратегический Комитет» как новый властный центр, задающий направление реформам, причем в рамках законодательной ветви. Вместо этого Путин все-таки выполнил свое обещание возглавить Правительство, то есть сделал ставку не на подготовку законодательных основ, а на привычное ему «ручное управление».

4 <http://www.nsu.ru/filf/rozov/publ/vse-pol.htm>

Анализ предпосылок ошибочных прогнозов

Как говорилось выше, базовая часть прогноза, зафиксированного в обеих статьях, вполне подтверждается и корректив не требует.

- Сохраняется главная направленность правящей группы во главе с В. В. Путиным на удержание полноты власти.
- Для этого выбран на роль преемника человек с предсказанными качествами: «из своих», заранее «раскрученный», не имеющий собственной команды и внятной самостоятельной политической стратегии.
- Основные действия правящей группы (получение доминирования только одной «партии власти» во главе с Путиным в Думе, широковещательное объявление «плана Путина» до 2020 г., последующее «беспартийное председательство» Путина и его же премьерство) однозначно направлены на «продолжение эпохи Путина», то есть долговременное удержание полноты власти правящей группой.
- Настоящей предвыборной интриги так и не было, все проделано как спецоперация с дымовыми завесами.

Прогноз относительно экс-президентской политической судьбы В. В. Путина отчасти оправдался:

- В. В. Путин проявил реальную заинтересованность в социально-экономическом развитии страны, собирается обеспечивать его в рамках построенного (вполне закрытого, неконкурентного, авторитарного) политического режима.

Важные моменты прогноза вполне могут быть реализованы в обозримом будущем:

- Создание в Государственной Думе некоего «Стратегического Комитета» (под тем или иным названием), который под присмотром Путина сосредоточит законодательные инициативы, направленные на обеспечение социально-экономического развития страны;
- Фланирование Путина от одной институции к другой, включая международную политику, чтобы не быть ни за что ответственным, но играть роль «национального лидера», которому приписываются все заслуги и который может строго спрашивать с любого, включая и «текущего» президента РФ.

Против ожиданий Путин принял хозяйственный пост главы Правительства и эту прогнозную ошибку мы рассмотрим далее.

Начнем же с более ранних ошибок, особое внимание уделяя предпосылкам, поскольку именно коррекция общих предпосылок способствует продвижению в теоретическом и прогнозном мышлении.

Гипотеза о продолжении двухпартийного проекта основывалась (кроме явной поддержки Кремлем обеих «партий власти» до осени 2007 г.) на следующих предпосылках:

- Сила политического примера (США — это, как известно, не только «главный гад», но и главный политический ориентир благодаря их внешнему могуществу и внутренней политической стабильности);
- Правящая группа (Кремль и Старая площадь) уверена в своей способности к внешнему управлению обеими лояльными партиями в парламенте.

В реальности страх власть имущих в современной России перед *любой политической конкуренцией*, даже между клянущимися в верности партиями, страх перед тем, что расколотые по двум «партиям власти» региональные элиты станут более самостоятельными в своей политике, выскользнут из-под длани «вертикали власти», оказался гораздо сильнее, чем первоначальные (еще с ельцинских времен) благие намерения «создать устойчивую к кризисам двухпартийную систему».

Лидер «Справедливой России» С. Миронов является, как известно, чемпионом по выражению безусловной лояльности В. В. Путину и его группе, несмотря на систематические ответные знаки, мягко говоря, пренебрежения. И даже в этих условиях было решено обеспечить доминирование (конституционное большинство) только одной партии и осуществлять внешнее управление только ею. Вывод: правящая группа осознает свою полную неспособность удерживать контроль над ситуацией при любой неопределенности, к которой приводит реальная публичная политическая борьба. Поскольку эту полноту контроля данная группа считает для себя жизненно важной (вероятно, справедливо), то смело можно утверждать: *несмотря на свободолобивую риторику нового президента, оставшаяся у власти группа будет и далее делать все для удушения любых ростков конкурентной публичной политики.*

- Было предположено, что президентские выборы 2 марта 2008 г. пройдут с двумя «своими» кандидатами в два тура, чтобы создать видимость «интриги», привлечь народ на выборы, обеспечить внешнюю демократическую альтернативность и легитимность выборов, не давать излишней легитимности новоизбранному президенту. Основания для этого, оказавшегося явно ошибочным, прогноза были таковы.
- Предвыборная борьба между «своими», подобная битве нанайских мальчиков, не представит опасности для правящей группы, достигшей предварительных договоренностей и гарантий лояльности с обоими кандидатами.
- «Создание интриги», привлечение на выборы, обеспечение внешней легитимности выборов предпочтительнее для правящей группы, чем механический, советский, практически безальтернативный сценарий.
- Победа в первом туре, большое число отданных преемнику голосов представляют опасность для правящей группы, поскольку новый президент,

опираясь на народную поддержку (внушительный успех на выборах) начнет «играть свою игру», вытесняя прежнюю властную команду.

По первому пункту следует признать, что политики, создававшие и корректировавшие сценарий (вероятно, при непосредственном участии В. В. Путина), оказались намного более проницательными и дальновидными, чем предполагалось. Нанайские мальчики хороши и безопасны, когда «дерутся» один на один. Как только у каждого появляется свой, пусть вначале «потешный», предвыборный штаб — аппарат, да еще и с региональной сетью поддержки, то есть с малыми штабами в каждом регионе и городе, вырастают уже две самостоятельные силы, причем как минимум одна из них способна действовать без подчинения «вертикали власти». Поскольку, как было показано выше, любые ростки конкурентной публичной политики нещадно вытравляются, здесь такая опасная возможность была пресечена еще в зародыше.

По второму пункту я явно переоценил значимость для правящей группы демократического антуража и внешней легитимности, недооценил ее уверенность во всеилии административного ресурса, а также недооценил вполне советскую послушность большинства постсоветского народа, его готовность идти на выборы и голосовать за навязанного, явно доминирующего кандидата, даже без какой-либо видимости предвыборной интриги. Опять же надо честно признать: политики ближе к народу, пока умело им управляют и вообще лучше его чувствуют, чем некоторые политические аналитики (отщепенцы, по сути дела).

По третьему пункту следует отметить, что достаточно высокая (даже с учетом фальсификации) поддержка Д. А. Медведева на выборах еще может сыграть свою роль в дальнейшем развитии событий. Ошибка прогноза была в том, что правящую группу во главе с В. В. Путиным не остановила, как предполагалось, опасность высокой легитимности новоизбранного президента. Скажу точнее, данная опасность осознавалась и очень даже пугала, о чем свидетельствуют как минимум четыре показательных факта:

1. Медведев сразу же после своего выдвижения (и вряд ли только по своей свободной воле) объявил о будущем премьерстве Путина. Таким образом, Путин вполне способен приписать себе значительную часть успеха Медведева на выборах, причем совершенно обоснованно.
2. Путин стал еще до окончания своего президентства председателем доминирующей в парламенте «партии власти», тем самым институционализировал свой высокий рейтинг, создал для себя вполне легитимный противовес в Думе против опасности «своей игры» своего же ставленника — нового президента.
3. Медведеву не дали «подумать» даже недели (для приличия) для назначения нового премьера, тем самым показав ему и всем, что реальный властный контроль, конституционные президентские полномочия ему не отданы.
4. Несмотря на всю пышность инаугурации 7 мая 2008 г., в ней не было центрального элемента — торжественного вручения президентского удостове-

рения; такой конфуз имеет свое объяснение, которое представляется вполне резонным в свете вышесказанного: правящая группа решила не давать новоизбранному президенту главного, дающего полноту полномочий, документа, пока он (на следующий день) не назначит бывшего президента премьером.

Общий вывод по данному пункту такой: была неоправданно переоценена значимость высокой избирательной поддержки (публичного фактора) для ныне правящей группы; напротив, была недооценена ее способность применять многообразные скрытые и вполне легальные рычаги закрепления полноты своей власти в противовес любым попыткам использовать публичную легитимность. Власть оказалась и циничнее, и хитрее, чем предполагалось. К каким неожиданным и даже дарящим некоторую надежду результатам может привести это циничное политиканство, мы увидим далее.

Что касается ошибки в конкретных персоналиях (преемником был назначен Д. Медведев, а не С. Иванов), то здесь значимость общих предпосылок намного уступает значимости информации о реалиях скрытой («подковерной») борьбы кремлевских и околоскремлевских группировок. Наиболее правдоподобной на сегодняшний момент является следующая интерпретация. Правящая группа, несмотря на свой большой и известный чекистский компонент, все же опасалась резкого усиления клана выходцев из спецслужб, который неминуемо последовал бы в случае президентства С. Иванова. Эти люди и силы и так уже набрали огромную мощь, их внутренняя беспощадная борьба даже стала прорываться наружу (статья Черкесова о «чекистском крюке», откровения Шварцмана о централизованной кампании отъема лакомой собственности, аресты Бульбова и Сторчака и т. д.). В этом контексте далекий от спецслужб давнишний подчиненный В. Путина Д. Медведев вполне мог быть принят на роль противовеса. Сходным и вполне совместимым объяснением является также отсутствие у Медведева собственной команды.

Итак, персональный прогноз мог бы быть более точным при учете двух общих принципов совместно с эмпирическим знанием (которого всегда не хватает) о межклановой борьбе вокруг престола:

- *принцип противовеса*— правящая группа, имеющая достаточную свободу выбора, еще не подчиненная воле какому-либо из противоборствующих кланов, скорее назначит на роль верховного правителя человека, который, не имея пока собственных силовых ресурсов, при вступлении в должность будет сдерживать сильнейший и поэтому опаснейший для правящей группы клан;
- *принцип негативного отбора*— для стремящейся сохранить полноту власти правящей группы из двух претендентов предпочтительнее менее самостоятельный и волевой, не имеющий собственной активной и влиятельной команды.

Рассмотрим теперь следующий ошибочный прогноз: несмотря на верно предсказанное установление контроля над Думой (не угадано было только остроумное беспартийное председательство с полным контролем над кадровыми назначениями) первым основным местом работы для экс-президента Путина стало Правительство, а не Дума. Недоверие к обещаниям самого Путина занять премьерское кресло было основано на следующих предпосылках, причем некоторые из них достаточно активно обсуждались в прессе и Интернете:

- Экс-президент как лидер и символ правящей группы не займет должностную позицию, с которой его вполне законно может в любую минуту снять новый президент;
- Экс-президент как лидер и символ правящей группы не станет принимать на себя ответственность за социально-экономическое положение страны, особенно при растущей инфляции и ожидаемого социального недовольства;
- Поскольку правящая группа намерена удерживать власть всерьез и надолго, поскольку «эпоху Путина» решено продолжать и делать «исторически успешной», то для требуемых масштабных преобразований первоочередное внимание будет уделено законодательному обеспечению.

По первому пункту опасность компенсирована формальным лидерством в доминирующей «партии власти», но только отчасти.

По второму пункту новый премьер уже набрал большую команду вице-премьеров (в том числе двух первых), будет строго спрашивать с них и с министров, вызывать на ковер, отчитывать, увольнять. Однако такой режим не может длиться долго. При отсутствии видимых успехов, особенно при росте инфляции, недовольство непременно перекинется и на премьера.

В третьем пункте ошибка состояла в завышенной оценке стратегической направленности «Плана Путина». Только отравленные либерализмом аналитики-отщепенцы могли предполагать, что правящая группа во главе с Путиным сразу начнет всерьез работать над правовым обеспечением социально-экономического саморазвития. Нужно было исходить не из заимствованной чужеземной «науки», а из почвенной традиции и преимущественной за два президентских срока практики «ручного управления» с помощью «властной вертикали».

При всем этом я бы не спешил с признанием полной ошибочности всех предпосылок сделанного и не оправдавшегося (пока!) прогноза.

Весьма вероятно, что Путин не будет дожидаться ситуации, когда придется взять ответственность за отсутствие видимых продвижений и успехов, тем более, за инфляцию и массовые волнения.

Верно и то, что неминуемый коллапс «ручного управления» рано или поздно подвигнет к более пристальному вниманию к правовой базе реформ, соответственно, к активизации думской законодательной деятельности.

Вывод: *не следует ожидать долгого премьерства экс-президента*. Уже в начале осени 2008 г., чтобы не сталкиваться с вечными проблемами отопительного сезона и нового витка повышения цен (на энергию, бензин, далее везде), Путин может покинуть этот пост, как бы «настроив работу Правительства» и передав ответственность тем, кого уже можно будет отчитывать и снимать безнаказанно.

Формирование стратегии законодательного обеспечения реформ в Думе, последующее фланирование Путина между разными институциями с сохранением и утверждением позиции «национального лидера» — этот прогноз пока сохраняем как отсроченный.

Среднесрочный политический прогноз

в самом общем виде был сделан в первоначальной статье:

«ВОПРОС 22. Что и в каком направлении изменится после выборов 2008 г.?»

ОТВЕТ. Ничего особенно и не изменится. Как было, так и будет. При новом, явно менее легитимном и волевом президенте вероятно спорадическое обострение борьбы кланов („кремлевских башен“). Однако, если главные властные козыри (силовые и административные ресурсы) останутся в руках прежней «команды», то слишком явную борьбу заглушат, особо строптивых и амбициозных накажут.

ВОПРОС 23. Так на благо России и народу будет эта сохраненная стабильность или во вред?»

ОТВЕТ. В короткой перспективе — во благо (экономическое и социальное развитие не любит политических сотрясений)⁵. В долгой (10–15 лет и более) перспективе — во вред. Дело в том, что каждые выборы — это шанс обновления государственности и институтов, а в сложившихся обстоятельствах (особенно с учетом нынешних массовых умонастроеваний) этот шанс почти точно будет упущен. Чем это грозит — особый большой разговор⁶.

ВОПРОС 24. Так и будет продолжаться в дальнейшем: вместо выборов — заранее спланированные спецоперации с прикрытием?»

ОТВЕТ. Попытки правящих групп заменить выборы спецоперациями, как и массированное применение административного ресурса, навер-

5 Здесь оценки также неоднозначны. Так «Коммерсантъ-Власть» пишет: «Раздвоенная реальность и является, похоже, главным наследством, которое президент оставит своему преемнику, кем бы он ни был. Ликвидация этого раздвоения будет неизбежно болезненной — и для политической системы и для отдельных граждан» (07.05.2007). Все здесь верно, но не уточняется, *когда именно* настанет время для ликвидации опасной раздвоенности между красивой политической декорацией и некрасивой реальностью. До наступления кризиса никто этим заниматься не будет, а к кризису страна может соскальзывать еще лет 10–12 или больше.

6 См. мое выступление в заочной дискуссии о будущем российской государственности на сайте www.liberal.ru.

ное, будут продолжаться. Однако при отсутствии реального самообновления системы, чем дальше, тем они будут менее успешны, и через 1–2 избирательных цикла приведут к типичным для имитационных демократий волнениям относительно несправедливости выборов, к политическому кризису»⁷.

Время оценки данного прогноза еще не пришло, но некоторое уточнение можно сделать уже сейчас. При сложившейся ситуации (премьерство Путина и его председательство в единственной и доминирующей «партии власти») сохранение единства правящей группы становится сомнительным (см. ответ на вопрос 22). Значит, не столь очевидна и ее способность подавлять неминуемые конфликты. Стремление власть имущих заменять реальные выборы спецоперациями с запланированным результатом, конечно же, сохранится (см. ответ на вопрос 24). Проблема теперь в том, удастся ли им сговориться при новой конфигурации власти.

Во что выльется двоевластие?

Теперь надо сделать новый прогноз, иначе не будет новых ошибок и повода задуматься над устранением заблуждений.

Сейчас все озадачены дальнейшей судьбой сложившегося двоевластия («тандемократии»). Даже вполне последовательные либеральные и демократические аналитики страшатся отступления от вековой традиции «единого царя». Рассуждают также о шансах на очередную «оттепель», еще чаще соревнуются в доказательстве друг другу, что ее не будет. Редкие романтики-либералы мечтают о том, что ожидаемые волны социально-экономического протеста перерастут в борьбу за гражданские права. Зато пути и перспективы становления реальной (не имитационной и не «суверенной») демократии уже почти никого не занимают.

При дефиците проверенных теорий двоевластия и эмпирических данных о характеристиках и направленности основных акторов современной российской политики придется опираться на самые общие и грубые модели.

Страх правящей группы потерять власть, соответствующий отказ Путина «уходя уйти» создали объективно ситуацию двух центров силы (Администрация Президента РФ и Правительство РФ), которая не вписывается в традиционную «вертикаль власти» (которая уже в середине мая 2008 г. начала «сыпаться»)». Верно было отмечено многими, что даже при самой теплой дружбе и полном личном согласии между президентом и премьером их аспа-

7 Розов Н. С. Закон Ибн Халдуна. К чему может привести рост коррупции и силового принуждения в России // Политический класс. 2006 № 3.

8 «Российская судебная система впервые признала, что на нее давили из Кремля. Руководство российской судебной системы впервые признало факт давления на суд со стороны администрации президента РФ. Свидетельские показания об этом дала вчера первый заместитель председателя Высшего арбитражного суда (ВАС) Елена Валявина» («Коммерсант», <http://www.civitas.ru/press.php?code=2459>).

раты обречены на борьбу между собой. Единая правящая группа, вполне успешно (для себя) осуществившая операцию выборы-2008, распалась (пока формально) на два центра силы, «естественный» конфликт между которыми вполне вероятно выйдет за рамки первоначального «искусственного» плана и соответствующих договоренностей. Теперь начинается самое интересное.

Есть два основных типа борьбы: война по принципу «победитель получает все» и соревнование с торгами, компромиссами, разделением зон влияния по принципу «выгоднее и безопаснее терпеть другой центр силы и взаимодействовать с ним, чем воевать с ним насмерть».

Российская политическая история полна борьбой первого типа и крайне бедна борьбой второго типа. Однако, на наше счастье, против исторической инерции войны на уничтожение в нашем случае выступают три фактора:

- 1) одна и та же правящая группа создала, формирует оба центра и планирует порядок их взаимодействия;
- 2) имеется некоторое равновесие сил, которое может обеспечить благоприятную для конкурентно-компромиссного типа патовую ситуацию; действительно, премьер Путин, оставаясь символом «поднятия России с колен», имеет преимущество политического опыта, авторитета, связей, неформального влияния на силовые структуры, тогда как президент Медведев имеет пусть пока формальные, но потенциально огромные полномочия благодаря суперпрезидентской Конституции;
- 3) есть естественное разделение зон влияния между Администрацией Президента РФ и Правительством РФ, способствующее, скорее, сложному взаимодействию (с конфликтами, торгом, сотрудничеством), а не войне на уничтожение соперника.

Добавим сюда предполагаемый скорый уход Путина из слишком суетного и реально ответственного премьерского кресла (вполне вероятно, что на роль премьерского преемника уже намечен один из первых вице-премьеров с самым широким кругом полномочий — Игорь Шувалов, тогда как Виктор Зубков поставлен ему в пару в качестве «дымовой завесы» готовящейся новой «рокировочки»).

Полностью нельзя исключать возврат Путина в Кремль уже через несколько месяцев от начала нового президентства (известный сценарий «местоблюстительства»). Это произойдет либо вследствие внушительных бедствий и провалов государственного управления, массовых протестов и политического кризиса, либо при агрессивной политике нового президента по отношению к экс-президенту и его команде. Сейчас не видно никаких признаков ни того, ни другого, поэтому следует рассмотреть более вероятные исходы.

Когда президентское место занято преемником, лучшая позиция строгого «отца нации», отчитывающего нерадивых министров — это парламент. Данный политический «аэродром» уже подготовлен председательством Путина в «партии власти». Тогда не исключено появление третьего центра силы,

даже несмотря на попытки Путина и К° по-прежнему держать кадровые и другие ключевые вопросы в своих руках. Согласно тем же трем факторам между возникшими центрами силы следует ожидать не войну на уничтожение, а сложное конфликтно-переговорное взаимодействие.

Неустойчивость закрытых сговоров и необходимость выбора решающей инстанции

Используем следующий общий принцип: *политики не меняют своих стратегий, пока внушительный провал не заставит их сделать новый выбор*. Пока стратегия закрытых договоренностей вполне устраивает основных участников сложившегося режима российской политической жизни. При этом, пусть закрытые, но горизонтальные договоренности все же ближе к публичной конкурентной демократической политике, чем навязанные вертикальные, ассиметричные «договоры» в командной иерархии.

Это срединное состояние чревато одним пороком — *неустойчивостью*, которая выражается в спорадических волнах конфликтов и турбулентности. Весь вопрос в том, что для надежности любых договоров нужна инстанция для апеллирования с достаточной силой и авторитетом, чтобы провести решение, которое конфликтующие стороны и другие участники не могут не принять. При авторитарном режиме — это начальство, при демократическом — независимый суд, парламентские слушания и расследования, свободная пресса и влиятельное общественное мнение. В модели закрытых пактов ни та, ни другая инстанция не обладают достаточными авторитетом и силой.

В теоретическом плане данную несложную мысль можно понять, прочитав несколько строчек. В реальной же политической жизни процессы идут на много порядков медленнее и труднее. Учтем известную склонность конфликтующих групп применять ставшие привычными силовые методы: заведение уголовных дел, прокурорские проверки, налоговые «наезды», взаимные обвинения в коррупции, вплоть до шантажа и покушения на убийство. Закономерное следствие такой полной тревоги и опасностей политической жизни известно: могучая общая тяга к восстановлению спокойствия и порядка.

Только когда сами политики убедятся «на своей шкуре», что стратегия закрытых сговоров не работает, не дает безопасности, чревата кризисами и шквалом насильственных действий, они повернут тяжелый штурвал повседневных практик в другую сторону. В какую?

Развилки конфликтной политической динамики

Теперь для уяснения следующего шага прогноза придется обратиться к теории. Большинство концепций перехода к демократии наивны, фаталистичны и идеологичны. К этому обширному кругу относятся наиболее ходовые модели: демократия как непрменный итог социального и нравственного прогресса, демократия как закономерный результат модернизации и рыноч-

ного экономического развития, демократия как результат воплощения «духа свободы» (культурных архетипов и проч.), присущего отдельным, например, евроатлантическим народам и т. п.

Далее будем исходить из более реалистичной концепции (интеллектуальная традиция Б. Франклина, Й. Шумпетера, Д. Растоу, А. Пшеворского, Р. Коллинза и др.). Суть ее примерно в следующем. Демократия появляется в качестве незапланированного, побочного следствия особого типа политической конфликтной динамики, когда ни один из центров силы не способен подавить и подчинить остальные, а созданная по необходимости коалиция в сложившихся условиях переживает несколько этапов эволюции ко все более открытой, публичной, конкурентной и основанной на формальных правилах политике.

Данная модель не фаталистична, но альтернативна. В зависимости от специфики сложившихся обстоятельств итогом конфликтной динамики может стать отнюдь не только демократия, но также возврат к авторитарному режиму (вплоть до тоталитаризма), новые волны кризисов и неустойчивости, государственный распад, отделение окраин и т. д. Продолжает действовать мощный механизм, порождающий циклы социально-политической истории России [Розов 2006]. Никуда не исчезли многовековые традиции «русской власти», также имеющей свою динамику [Пивоваров, Фурсов 1999; Дубовцев, Розов 2007].

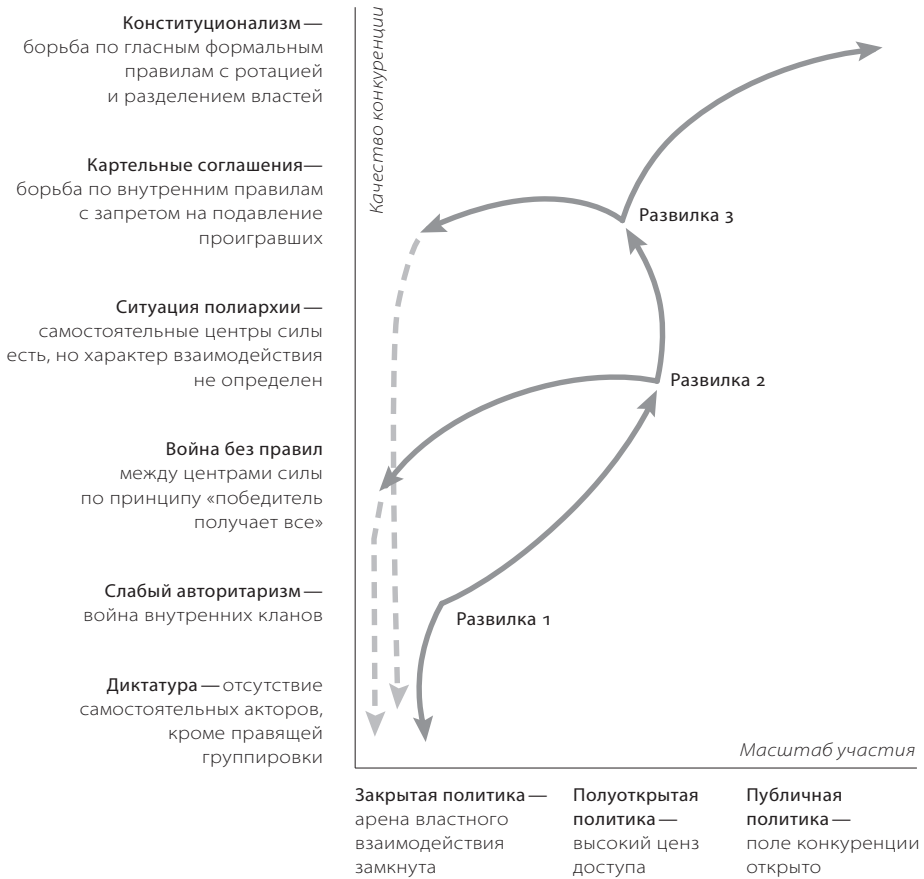
Чтобы не углубляться в эту бездну сложностей, воспользуемся в качестве «концептуального компаса» следующей моделью, полученной путем расширения матрицы Роберта Даля [Даль 2003] и включающей три основные развилки (рис. 1). Здесь «движение вправо» к большему масштабу участия означает рост открытости политики: к допущению в политическую жизнь новых реальных участников с собственными ресурсами, а затем к открытости и публичности политики. «Движение вверх» к более высокому качеству политической конкуренции означает вначале ослабление и распад диктатуры одного центра силы с последующим продвижением к ситуации полиархии (взаимодействию нескольких центров силы), закрытым сговорам (картельными соглашениям) и конституционализму (борьбе по гласным формальным правилам с ротацией и реальным разделением властей).

Шанс демократизации как нечаянное следствие взаимодействия между ее противниками

Ранее я предполагал, что первая развилка может наступить только в результате достаточно глубокого политического кризиса (например, как следствия ухудшения социально-экономической ситуации и волн массовых протестов).

Однако жизнь всегда богаче и интереснее наших представлений о ней. То самое циничное политиканство, за которое либеральные аналитики упорно (и во многом справедливо) бичуют власть имущих в современной России, привело к неожиданному результату. Обратимся еще раз к схеме развилки на рис. 1. Очевидно, что реализованное правящей группой решение «проблемы-2008» было во многом обусловлено начавшейся с осени 2007 г.

Рисунок 1. Главные развилки политической конфликтной динамики.

Развилка 1. Следствия политической неопределенности:

- либо сохранение полноты ресурсов у верховной власти (благодаря подавлению протестов или захвату власти новой авторитарной группировкой);
- либо появление автономных акторов — центров силы со сравнимыми ресурсами.

Развилка 2. Характер борьбы за власть: Новые центры силы:

- либо ведут борьбу на уничтожение («победитель получает все»),
- либо заключают взаимоприемлемые договоренности об ограничении переделов и о сохранении проигравших на политической арене.

Развилка 3. Характер состязания. В политической борьбе получает преобладание:

- либо ставка на создание закрытых клик, на силовые, закулисные, бюрократические действия,
- либо публичная политика как честная игра по формальным правилам, где выборы не predetermined и на основе их результатов происходят реальные ротации и перераспределения власти.

внутренней межклановой борьбой, которая всегда является признаком ослабления авторитаризма. Вообще говоря, такова ситуация 1-й развилки (сохранение полноты власти в едином центре либо полиархия с неопределенным взаимодействием). То самое двоевластие, которого у нас так бояться, вполне можно трактовать как наиболее оптимальный (из возможных) переход к ситуации полиархии, то есть ко 2-й развилке. Иными словами, согласно данной схеме удалось подняться на одну ступеньку в качестве политической конкуренции без системного кризиса, то есть бедствий и потрясений. Это не может не радовать.

Однако за все надо платить. При кризисе к участию в политике могли проявиться новые силы (средняя ступень по горизонтали — полуоткрытая политика). Полностью закрытый характер произошедших в середине мая 2008 г. назначений с перетасовкой одних и тех же фигур, с полным игнорированием обсуждений и интересов даже победившей на выборах «партии власти», не оставляет сомнений — никакого продвижения к открытости не произошло. Двоецентрие Правительства и Администрации президента следует трактовать как промежуточную станцию в отрезке между полностью закрытой и полуоткрытой политиками (см. рис. 1).

К каким следствиям это приводит с точки зрения вероятности альтернатив уже во 2-й развилке? С одной стороны, как было указано выше, снижается опасность «войны на уничтожение» (оба центра силы созданы одной группой и на ключевые посты расставлены «свои люди»). С другой стороны, явное отсутствие независимых ресурсов и самостоятельности у обоих центров силы — Администрации президента и Правительства — чревато при обострении конфликта не установлением «правил игры» (пусть пока закрытых, картельных), но быстрым откатом к единовластию, что получит в нашем случае простое и ясное выражение: либо возврат Путина в Кремль в ближайшие месяцы или в течение 2–3 лет, либо полное вытеснение Путина и его команды новой усилившейся группой Медведева (что может произойти никак не раньше 3–4 лет).

Условия, способствующие установлению «борьбы по правилам» во 2-й развилке

Обобщение накопленных политологических знаний позволяет перечислить следующие структурные условия, способствующие становлению характера борьбы за власть между центрами силы как состязания, «борьбы по правилам», а не «войны» по принципу «победитель получает все»:

- 1) опасности и издержки попыток подавления конкурентов существенно выше, чем издержки вынужденного сотрудничества с ними [Гельман 2007];
- 2) расколы по разным вопросам и социальные различия не разделяют однозначно противостоящие группировки, но перекрещиваются, что дает возможность образования разных и сменяющих друг друга коалиций, повыша-

ет значимость переговоров в сравнении с силовой борьбой и дает разным политическим игрокам некое чувство общности [Растои 1996];

- 3) основные активы элит, центров силы (счета, недвижимость, семьи, штаб-квартиры фирм, основной капитал) расположены в стране, а не за рубежом; только это может гарантировать реальную озабоченность элит происходящим в стране, также данные факторы детерминируют чувства общей судьбы, значимый уровень общности проблем и интересов;
- 4) высокая неопределенность в распределении сил и ресурсов, в возможности создания доминирующих коалиций; чтобы обезопасить себя от проигрыша, центры силы проявляют большую склонность к борьбе по правилам, чем к войне без правил [Пшеворский 1993, 2000; Рыженков 2006];
- 5) опыт сохранения основных позиций и ресурсов у проигравших – что обуславливает снижение страха проигрыша у остальных [ср. Weiner 1987];
- 6) затяжные конфликты при воздержании от насилия; политические игроки, не получая возможности однозначного выигрыша, одновременно испытывают дискомфорт от того, что проблемы не решаются и вынуждены соглашаться на уступки, прибегая к соглашениям, пусть пока внутренним;
- 7) накопление опыта, практик, способностей к горизонтальным переговорам, политическому «торгу»;
- 8) успешный опыт совместного обеспечения внутреннего порядка центрами силы (преодоление «комплекса Рюрика» – «Приди и правь нами», «Барин приедет – барин рассудит»);
- 9) умеренное внешнее давление (геополитическое или геоэкономическое), достаточное для сплочения центров силы, но не настолько большое, чтобы разрушить коалицию [Collins 1999];
- 10) успешный совместный опыт противостояния внешнему давлению, легитимирующий коалицию центров силы, но не триумф, который привел бы к сосредоточению легитимности и власти только одним центром силы, персонифицированным лидером, которому приписана победа [Collins 1999];
- 11) наличие политического влияния масс собственников, нашедших для себя наличие коалиции центров силы более безопасным и перспективным, чем захват и полная централизация власти одним из центров силы.

Данный перечень условий был составлен задолго до марта 2008 г. и безотносительно к сложившемуся в мае 2008 г. двоевластию. На настоящий момент (конец мая 2008 г.) условия 1–2 выполняются, остальные отсутствуют. Изменить сложившуюся ситуацию с зарубежными активами власть имущих (условие 3), если и можно будет, то очень нескоро, при кризисах она чревата самыми неприятными последствиями⁹. Однако, условия 4–11 могут быть

9 В отличие от Советского Союза, современная Россия – открытая страна. Ощущая нестабильность, представители элиты имеют возможность переводить капиталы за рубеж, выводить собственность в оффшоры, отправлять свои семьи и родственников в другие страны. Многие промышленные активы заложены сегодня с целью привлечения банковских кредитов. Акции и паи могут быть легко реализованы. Поэтому логика временщиков, которой склонна руководствоваться властная элита,

еще накоплены до возврата к единовластию. По крайней мере, мы получаем четкие критерии для мониторинга ожидаемого конфликтно-кооперативного взаимодействия между сложившимися центрами силы.

О чем же должны договариваться стороны, если пойдут не по пути жесткого конфликта («войны»), а по пути закрепления паритета? Известны основные процедурные факторы — требуемые нормы, которые должен включать договор между центрами силы:

- общий отказ от применения силовых методов и правоохранительных органов в политической борьбе, вероятно, как следствие яркой дискредитации такой практики;
- общее согласие в том, что проигравший не выбывает из дальнейшей политической борьбы; запрет на притеснение проигравших, «бывшие» не будут наказаны после потери своей власти [Weiner 1987];
- защита собственности, отказ от неправовых переделов и экспроприации ресурсов;
- общее согласие о полезности отделения собственности от власти, пусть пока «в своем кругу»; так члены коалиции могут обезопасить себя от экспроприации при потере власти; при этом они же вынуждены согласиться, что, получив власть, не будут захватывать собственность друг у друга.

Прямо скажем, пока все эти принципы почти диаметрально противоположны по отношению к ставшей привычной политической и «инструментально-правовой» практике правящей группы. Однако социальные обстоятельства реальной конфликтной динамики многое могут изменить. Оказавшись столь же уязвимыми для политического уничтожения, неправового насилия, что и другие участники взаимодействия, члены ныне правящей группы вполне могут согласиться с «правилами ненападения».

Когда наступит «момент истины»

Первоначальная «притирка» двух (или трех при уходе Путина из Правительства) центров силы будет происходить в ближайшие два года. На третий-четвертый год, в преддверии нового избирательного цикла следует ожидать резкого обострения конфликтности и турбулентности.

Предвыборный 2011 год будет «моментом истины» — временем выбора между авторитарным откатом и продолжением политики закрытых сговоров между более или менее паритетными центрами силы. При этом, каж-

имеет все шансы воплотиться в практические действия. Любое серьезное испытание — даже то, которое экономика в состоянии выдержать, — может иметь катастрофические последствия с точки зрения сплоченности элиты и ее способности и далее контролировать ситуацию в России. Подобно тому, как собственники американских компаний в любой момент готовы продать их за хорошую цену, отечественная элита бросит страну, если почувствует, что «капитализация» «корпорации „Россия“» достигла максимума [Иноземцев 2007. С. 46].

дый центр силы будет планировать и пытаться продвигать свою спецоперацию «президент-2012». Весьма сомнительно, что через четыре года российская политика изменится настолько сильно, что появятся и будут всерьез участвовать в борьбе новые независимые или партийные кандидаты. Выбор будет узок: либо Д. Медведев остается на второй срок, либо В. Путин возвращается в Кремль. За каждым будет стоять свой клан. С учетом опыта взаимодействия обоих будущих кандидатов следует предполагать не публичную предвыборную борьбу, а новый сговор. Возврат Путина поведет за собой восстановление самодержавной «вертикали» — явный авторитарный откат. Удержание президентства Медведевым продолжит период двоевластия (или троевластия) с присущей им конфликтностью и турбулентностью.

В пользу авторитарного отката будут действовать интенсивность межкланового насилия, общая усталость чиновников и народа от непривычной неопределенности, жестко связываемой с утратой единоначалия, многовектовой рефлекс призвания «барина», который «рассудит», пещерный страх правящих групп перед неопределенностью конкурентной борьбы.

В пользу продолжения полиархии (ситуации с паритетными независимыми центрами силы) будет действовать накопление вышеуказанных условий (4-11), соответствующая поддержка со стороны оппозиционных силы, среднего класса и общественного мнения.

Не то что предсказывать будущую конфликтную динамику, но даже замечать и сопоставлять текущую пока наука не умеет. По интуитивной прикидке в современной России факторы первой группы тянут на 85–90% вероятности преобладания, а второй — на 10–15%.

Важный вклад сделают факторы из внешнеполитической и экономической сферы. При вооруженных конфликтах, войнах, терактах, экономическом кризисе и массовых протестах насилия резко возрастает вероятность первого варианта с восстановлением единого авторитарного центра, полным подчинением остальных центров силы вплоть до уничтожения. Напротив, в условиях мирного партнерства с внешним окружением, при экономической стабильности, которая повышает значимость не голодных, склонных к популизму толп, а среднего класса, уважающего собственность и закон, следует ожидать продолжения политики сложного взаимодействия и закрытых пока сговоров между центрами силы.

А когда же произойдет и будет ли вообще поворот к демократии — легальной публичной конкурентной политике как системному средству обеспечения не только порядка и спокойствия, но и динамичного развития?

Ответ таков: если российская политика опять не соскользнет в привычную, глубокую и накатанную колею авторитаризма (что, увы, наиболее вероятно), то каждый новый год продолжения пусть закрытых, пусть ущербных, пусть неустойчивых горизонтальных взаимодействий и сговоров между центрами силы увеличивает шансы следующего скачка к открытой соревновательной политике. Когда существуют хотя бы два центра силы, то рано или поздно появляются третий, четвертый и пятый. Если борьба не сбрасывает их в кризис и авторитаризм, то рано или поздно некоторые центры силы

(нередко коалиция новых и относительно слабых центров) начинают апеллировать к общественности, универсальному правовому контролю, ратовать за непредвзятые судебные решения и т. д. На этой новой арене уже будут проигрывать те, кто в данную публичную игру не играет.

Демократия – это следствие не благих побуждений, а особой траектории конфликтной динамики. Вспомним классиков. Путь к правовой культуре лежит через антагонизм (Кант). Тиранами, душителями свободы и прогресса иногда движет «хитрость разума» (Гегель).

Исторический парадокс состоит в том, что нынешняя правящая группа, почти полностью удушившая зачатки демократии в России, создала для сохранения своей власти такую конструкцию, которая нечаянно может открыть новое, пусть пока очень узкое «окно возможности» для демократизации.

Задача данного прогноза – не предсказать будущие события, которые наступят с роковой неизбежностью, а указать на вновь возникший исторический шанс.

Новосибирск, май 2008 г.

ЛИТЕРАТУРА

- Гельман В. Я. Из огня да в полымя? Динамика постсоветских режимов в сравнительной перспективе // Полис. 2007. № 2. С. 81–108.
- Даль Р. Демократия и ее критики. М., 2003.
- Дубовцев В. А., Розов Н. С. Природа «русской власти»: от метафор — к концепции // Полис. 2007. № 3. С. 8–23.
- Иноземцев В. Л. Природа и перспективы путинского режима // Свободная мысль. 2007. № 2. С. 42–57.
- Пивоваров Ю. С., Фурсов А. И. Русская Власть и Реформы // Pro et Contra. 1999. Т. 4. № 4.
- Пшеворский А. Переходы к демократии // Путь. 1993. № 3.
- Пшеворский А. Демократия и рынок. Политические и экономические реформы в Восточной Европе и Латинской Америке. М., 2000.
- Растоу Д. Переходы к демократии: попытка динамической модели // Полис. 1996. № 5.
- Розов Н. С. Цикличность российской политической истории как болезнь: возможно ли выздоровление? // Полис. 2006. № 2.
- Рыженков С. И. Динамика трансформации и перспективы российского политического режима // Неприкосновенный запас. 2006. № 6 (50).
- Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М., 1995.
- Collins R. Macrohistory: Essays in the Sociology of the Long Run. Stanford Univ. Press, 1999.
- Weiner M. Empirical democratic theory // Political Science. 1987. Vol. XX. № 4.